• ЛЮДИ АКАДЕМИК АЛЕКСАНДР ИСАЕВ:

Владимир ГУБАРЕВ.

Я выглянул в окно — с 11-го этажа было видно далеко вокруг — и с удивлением заметил, что лесов, которые когда-то стояли неподалёку плотной стеной, уже нет. В суете буден я не заметил, как московские строители свели на нет зелёные массивы, застроив землю домами.

Здесь, на юго-западе столицы, живёт академик Исаев. Он выбрал это место потому, что вокруг был обширный парк, почти лес. Однако постепенно зелёное пятно сжалось и, наверное, уже скоро исчезнет совсем. Это хорошо видно с самолёта, приземляющегося во Внукове. Раньше он заходил на посадку вдоль шоссе, по обеим сторонам которого тянулись леса, теперь же внизу только крыши особняков да дач. Они столь тесно прижимаются друг к другу, что места для деревьев просто не остаётся.

Разговор с Александром Сергеевичем Исаевым был долгим и обстоятельным. Встретились мы в воскресный день и никуда не торопились. Мне было очень интересно расспрашивать его о разных проблемах, и отвечал он, как мне показалось, охотно. Александр Сергеевич пользуется каждой возможностью довести до общественности свою точку зрения, которая конечно же отличается от официальной. Задавать вопрос: «Почему?» смысла не имеет, так как каждому должно быть понятно, что интересы науки нынче совсем не согласуются (это я выразился весьма мягко!) с целями и задачами современной жизни, построенной на деньгах.

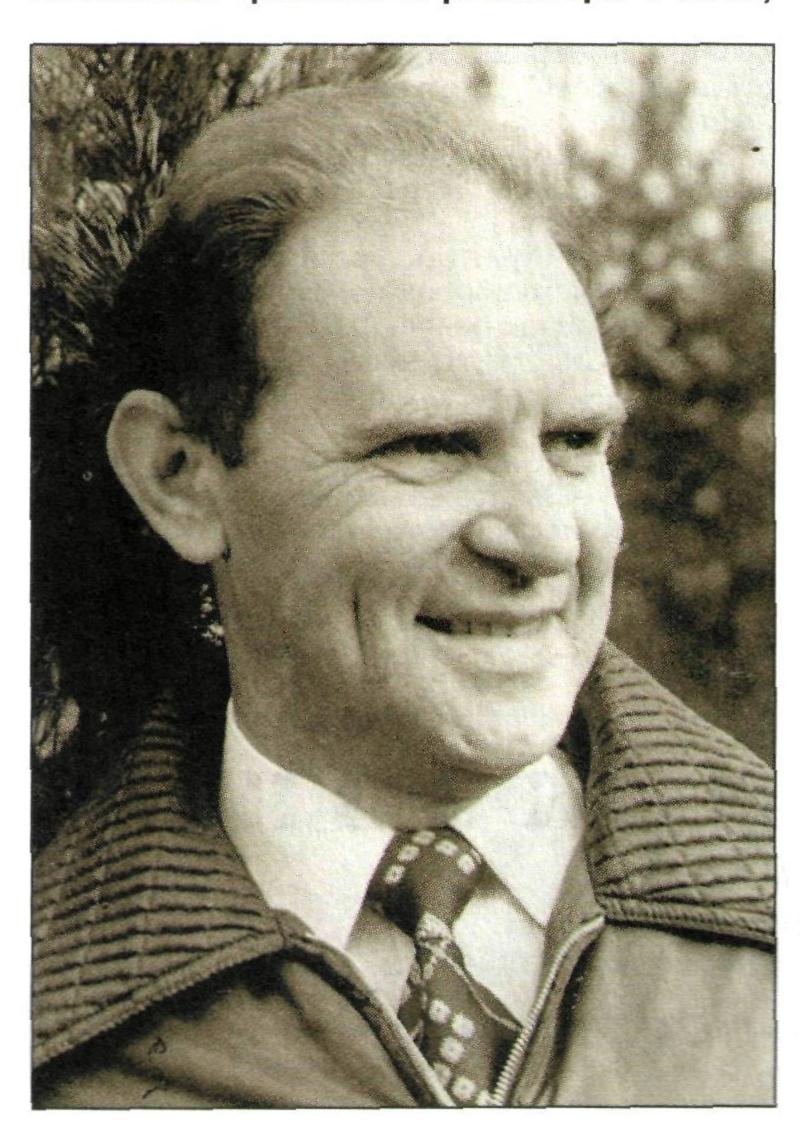
Академик Исаев много лет работал директором Института леса и древесины Сибирского отделения РАН, потом был председателем Красноярского научного центра, председателем Государственного комитета СССР по лесу, в 1991 году возглавил созданный им Центр по проблемам экологии и продуктивности лесов РАН, а сейчас является его научным руководителем. У академика множество других должностей и обязанностей, но главная из них — лес и всё, что с ним связано.

В начале разговора я предупредил Александра Сергеевича:

 Вероятнее всего, буду задавать нелепые вопросы, а ответы надеюсь получить профессиональные...

Условия принимаются!

— Тогда сразу два вопроса. Первый: недавно слышал, что проведены очередные съёмки Земли из космоса, и выяснилось: незаконные рубки лесов в десять раз превышают законные! И второй: периодически возникают тревожные разговоры о лесе,

люди напуганы тем, что завтра, возможно, они не смогут пойти в лес погулять, или по грибы, или посидеть с удочкой на лесной речке, потому что лесов просто-напросто не останется. Насколько такие опасения реальны? И что вообще происходит в лесном хозяйстве?

 Сначала о съёмках из космоса. С орбиты прекрасно видны так называемые несанкционированные вырубки, они же нелегальные, хищнические, преступные. Называть можно как угодно — любые определения такого рода будут справедливы. Понятно, что нелегальные вырубки не входят в нормальную систему лесопользования. Явление это не новое, и не только российское. Оно очень широко распространено в мире, но не в развитых странах, а по большей части в Африке и в Азии. Почему это происходит у нас? Во-первых, потому что разрушена система управления лесами. Все меры, принятые за последние годы, направленные, казалось бы, на её улучшение, дают прямо противоположные результаты, возвращаются бумерангом и бьют прямо в лоб. Я имею в виду, например, решение правительства о формировании многослойного управления. Наверху — Министерство природных ресурсов, Голиаф над лесами, — директивный орган, который всё решает, затем Росприроднадзор — надзирательный орган и ещё ниже — Лесное агентство, которое должно лесами управлять. А поскольку леса в основном являются государственной собственностью, агентство есть не что иное, как рабочий орган. Однако у него нет права контроля. Между управленческими «слоями» практически отсутствуют вертикальные связи. У них у каждого своя система финансирования, свои собственные начальники. Орган управления только обслуживает лесное хозяйство, которое должно, с одной стороны, обеспечивать использование лесного ресурса, а с другой — сохранять лес

Академик Александр Сергеевич Исаев. Красноярск, конец 1970-х годов.

О ЧЁМ ШУМИТ РУССКИЙ ЛЕСР

как экологический фактор. Но разве это можно делать, если нет инструментов контроля?! Сто тысяч лесников — лесная охрана, которая существует в России более двухсот лет, — лишились своих основных прав и оказались практически недееспособными.

— В своём знаменитом романе «Русский лес» Леонид Леонов воспел лесника как основного хранителя русского леса.

— Да иначе и не может быть! Лесники защищали лес, делали посадки, боролись с браконьерами и так далее. Они — хозяева леса и как хозяева несут ответственность перед государством за устойчивое лесопользование. Ещё в 1992 году на Всемирной конференции в Рио-де-Жанейро Россию неоднократно упоминали во многих докладах как пример разумного, хозяйского отношения к лесу. Было это совсем недавно, но за минувшие годы мы разрушили всё, чем так гордились! Я об этом говорю вполне ответственно, так как был членом правительственной делегации на конференции и хорошо знаю, что сегодня происходит в нашем лесном хозяйстве. С каждым годом оно продолжает разрушаться: то лесников сокращают, то финансирование уменьшают, то вообще планирование по лесу прекращают. Можно говорить о тех или иных ошибках, но суть не в них, а в том, что идёт плановая работа по передаче леса в частные руки. В мире же всё наоборот! В своё время леса передавали в частную соб-

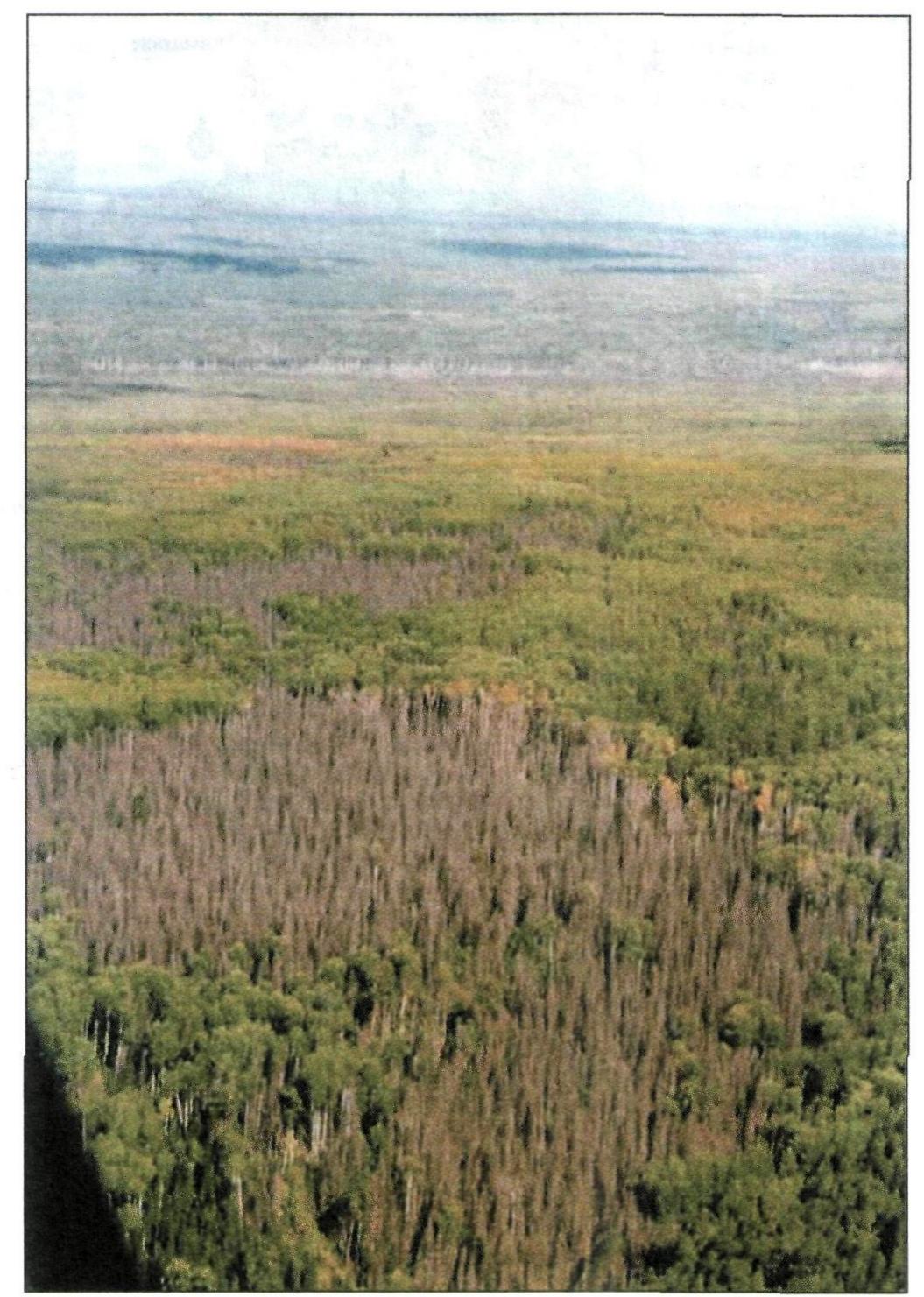
ственность и в США и в Канаде. Но «бумеранг» сработал, и правительства этих стран поняли, что так поступать нельзя! Теперь леса там в основном государственные.

— Когда я летал на Дальний Восток, то всегда поражался, насколько велики наши леса! Час летишь — тайга, два летишь — тай-

га, потом река и вновь бесконечные леса...

Как же их можно отдавать в частные руки?! — Конечно, нельзя! Лес — система возобновляемая, но, чтобы довести возобновляемый лес до товарного уровня, нужно минимум сто лет. Если лес срублен, то можно и дольше ждать его восстановления, при этом нет гарантии, что он вырастет таким же, каким был.

Леонид Леонов. «Русский лес»: «Вряд ли какой другой народ вступал в историю со

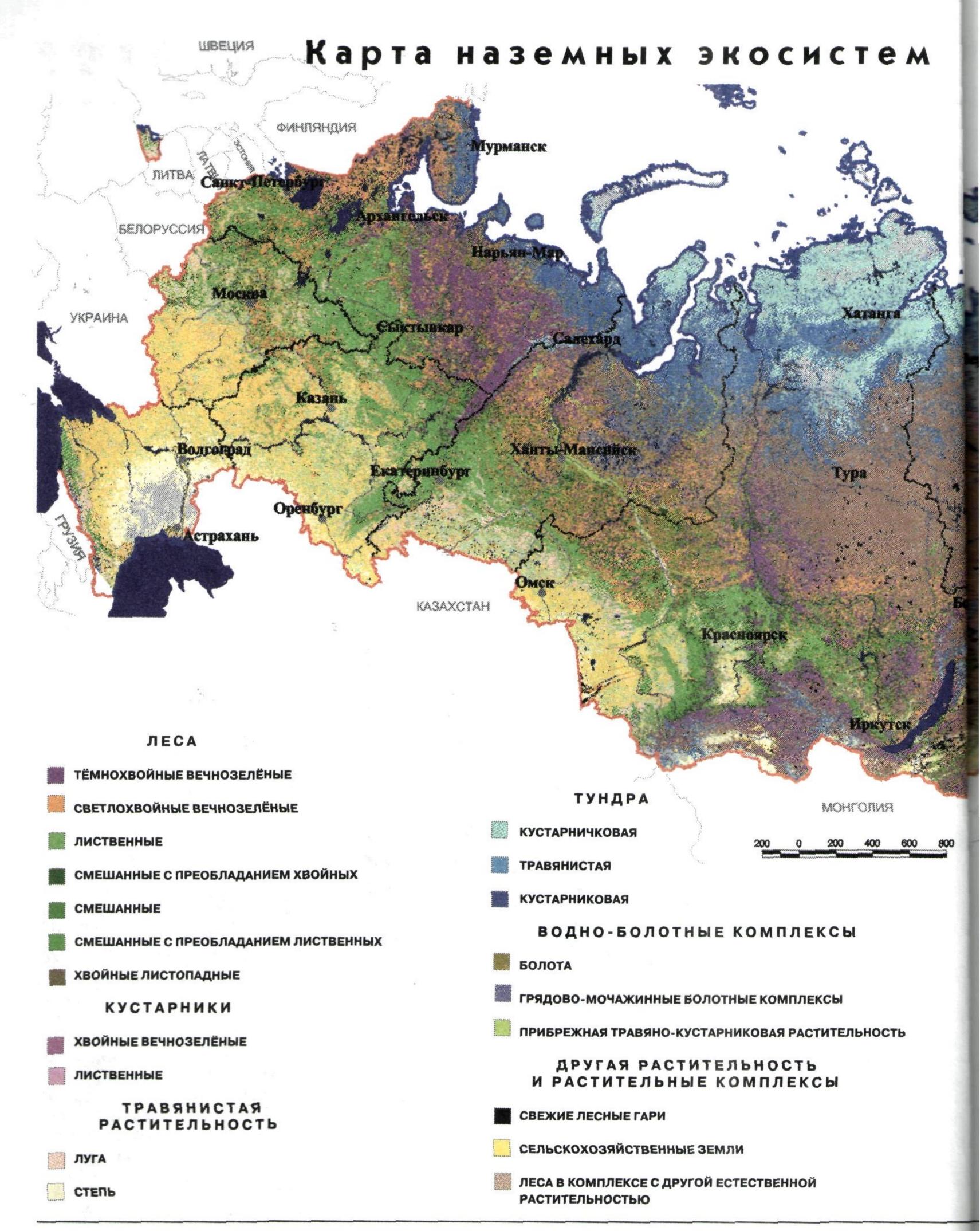
Лесной массив в Красноярском крае. На снимке, сделанном с вертолёта, хорошо видны участки тёмнохвойного леса, повреждённые сибирским шелкопрядом.

столь богатой хвойной шубой на плечах; именитым иностранным соглядатаям, ездившим сквозь нас транзитом повидать волшебные тайны Востока, Русь представлялась сплошной чащобой с редкими прогалинами людских поселений. Отсюда и повелась наша опасная слава лесной державы, дешевящая в глазах заграничного потребителя наш зелёный товар и создающая вредную, миллионерскую психологию у коренного населения».

— Говорят, если срубить сосновый бор, то он уже не восстановится или надо ждать по крайней мере три тысячи лет?!

— Я расскажу, как растёт лес. Мы провели математическое моделирование и получили очень интересные данные. Лес вырастает таким, каким его срубили или каким он был до пожара, в течение ста—двухсот лет. Для природы это срок небольшой. После уничтожения лесная экосистема конечно же развивается, совершенствуется, но на определённом этапе она стабилизируется по всем параметрам,

^{*} Выдающийся русский писатель Леонид Максимович Леонов написал роман «Русский лес» в 1953 году.

в частности по биомассе. Мы называем это «климаксовым состоянием». Не следует проводить аналогии с человеком, в данном случае имеется в виду баланс между всеми составляющими лесного массива. Допустим, вырублен еловый лес. Вскоре на этом месте появляется берёза, а под ней, если, конечно, есть осеменение, начинает пробиваться еловый подрост. С возрастом еловые насаждения формируют древесный полог и свою макросреду, достигают максимального размера биомассы, перегруппировываются внутри системы и переходят

к устойчивому состоянию. Это и есть стабильное «климаксовое состояние». Такой, как мы говорим, «дремучий» лес остаётся стоять сотни лет, если его не вырубят или он снова не сгорит.

— Поверить в это можно, но трудно проверить!

— Наш век, конечно, несоизмерим со временем, которое требуется для восстановления лесов. Кроме того, нельзя не учитывать, что реабилитация леса не проходит гладко, почти неизбежны пожары, новые вырубки и другие на-

пасти. А потому процесс восстановления может продолжаться ещё дольше.

- Что при этом происходит в лесу?

— Весьма необычные явления, к примеру возникают «зелёные пустыни». Они есть на Дальнем Востоке. Леса там часто горят, как следствие появляется мощный травостой, а потом образуется толстая подстилка, на которой растут только кустарники.

– А какие там были леса раньше?

— Леса были кедровые. Я работал там, когда был студентом. Потом приехал через сорок лет увидел «зелёную пустыню». Кстати, такая же опасность подстерегает тропические леса. Они тоже могут быть «дремучими», если не подвергаются серьёзному негативному воздействию. В нетронутом тропическом лесу на одном квадратном метре можно найти десятки видов кустарников, лиан и деревьев, но стоит вмешаться человеку, и лес начинает изменяться...

 Устойчивость леса зависит от многообразия пород?

— Не только от многообразия. В наших бореальных (северных) лесах произрастает всего пять хвойных пород: сосна, ель, пихта, лиственница и кедр. Всего около пятидесяти видов деревьев составляют леса на огромной территории страны — от тундры до пустынь Центральной Азии. Лиственница, к примеру, распространена от Крайнего Севера до Монголии. Хорошо приспосабливаться к разным условиям — это её генетическая особенность. Тропические леса более устойчивы, но когда их рубят, когда они сгорают или когда их начинают переводить в сельскохозяйственные угодья (кофейные и прочие плантации), то восстанавливаются они очень плохо.

— Поэтому биологи и экологи бьют тревогу?

- Конечно. Когда речь идёт о биологическом разнообразии на планете, то в первую очередь имеются в виду тропические леса. Однако и их ресурсы небезграничны. Если не принять экстренные меры, можно довольно быстро потерять огромное количество видов животных и растений. Об этом думают учёные всего мира. У нас восстановление лесов затягивается ещё дольше. Есть виды деревьев, которые мы теряем.
- У России и Бразилии, как я полагаю, есть общее: и тропические леса Амазонии, и тайга Сибири это своеобразные лёгкие планеты. Там основная проблема сохранение экосистем тропических лесов, которые исчезают, а у нас что главное?
- У нас лесные экосистемы более простые, но они тоже подвержены различным воздействиям. И в первую очередь природным. Одна из угроз — сибирский шелкопряд, которым я занимался много лет. В Западной и Восточной Сибири этот вредитель поражает миллионы гектаров, в результате тёмнохвойный лес погибает. Для его восстановления до стабильного уровня нужно 300—400 лет. Но это природный процесс, в результате которого лес омолаживается и вновь повторяет свой цикл. Мы должны чётко представлять, как функционирует сложившаяся лесная экосистема. Какой лес желательно иметь, и для чего он нам нужен? Это главные вопросы, на которые нужно дать чёткие ответы, прежде чем вооружаться пилой и топором. Если мы хотим иметь древесину, чтобы использовать её как биомассу, то для этой цели лес нужно выращивать, причём по определённой методике. Европа давно превратилась в «огород» — там естественных лесов почти нет. Ещё век назад во многих европейских странах стали выращивать еловые леса, но не раз приходилось начинать эту работу заново, потому что проявлялся шелкопряд монашенка, который их «выкашивал» от края до края. Есть вредители, например короедтипограф, живущие под корой, управы на них так и не нашли...

— Дятлов надо на них напустить!

— Слишком много дятлов надо... Я хочу сказать, что нельзя превращать леса в «огороды»: опыт Европы подтверждает — такой путь ведёт

к катастрофе. В нашем лесоводстве есть хорошие методы хозяйствования. Благодаря им до недавнего времени отрасль развивалась успешно. Конечно, главный лозунг был «давай, давай!», но по сути лесопользование оставалось рациональным.

Леонид Леонов. «Русский лес»: «Итак, лес кормил, одевал, грел нас, русских... Со временем, когда из материнского вулкана Азии, пополам с суховеями и саранчой, хлынет на Русь раскалённая человеческая лава, лёс встанет первой преградой на её пути. Не было у нас иного заслона от бесчинных кровопроливцев, по слову летописца, кроме воли народа к обороне да непроходной чащи лесной, служившей западнёю для врага».

- А как леса охранял закон?

— Настоящее лесное законодательство появилось в России в 1888 году. Кстати, сразу после революции В. И. Ленин распорядился не трогать лесников, ибо «заменить их нельзя» — так было написано в Декрете. Но когда началась индустриализация, лес начали рубить в промышленных масштабах. Тогда и появился миф, что в России леса очень много.

— У нас его много или всё-таки мало?

— Мы составили карту лесов на основе космических снимков французского спутника Земли. С орбиты очень хорошо видно, какие леса у нас остались. Могу ответственно сказать, что только треть наших лесов доступна для использования в экономических целях. Причём, чтобы взять этот товар, требуются немалые затраты. В европейской части страны товарных лесов осталось совсем немного, преимущественно в Коми, в Архангельской области, на

Первый и последний съезд лесничих Советского Союза. На фото слева направо: первый — заместитель председателя Совета министров СССР В. К. Гусев, второй, третий и пятый — заместители председателя Государственного комитета СССР по лесу А. И. Писаренко, В. А. Сухих и В. Н. Семёнов, четвёртый — председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков, шестой — председатель Государственного комитета СССР по лесу А. С. Исаев. Москва, Колонный зал Лома союзов, 1990 год.

Северном Урале. Это труднодоступные места, но скоро и они станут «легкодоступными», потому что других лесных массивов, пригодных для широкой эксплуатации, практически нет. Я говорю о крупных массивах, где можно добывать лес промышленными методами. В мою бытность министром мы ежегодно вырубали около двух миллионов гектаров леса и получали с них порядка 370 миллионов кубометров древесины. Сейчас рубят поменьше — около 200 миллионов кубометров, но там, где ближе и где дешевле. У нас есть данные по каждому региону. Если смотреть только на цифры, то ситуация вполне благополучная — половина лесов зрелые, есть молодняк, перестоя не так уж много. Казалось бы, половину лесов можно вырубать и превращать в товар. Но как взять этот лесной урожай и где?

Пройдёмся по карте, будто пролетим над страной на спутнике. Вот видны массивы вокруг Онеги и Ладоги. Постепенно они уменьшаются. Вот заболоченные леса Западной Сибири, но здесь их взять непросто. Вот Ангарский массив, очень мощный: сосна, лиственница. Эта карта конца 1990-х годов, составленная на основе космической съёмки. Благодаря ей мы получили подробные данные о состоянии лесов по всей

территории России.

— Почему вы работали с французами? У нас разве нет своих космических наблю-дений?

— У них качество снимков лучше. Да и организовать работу с французами было гораздо легче — намного меньше согласований. Мы вошли в проект глобальной оценки лесов, благодаря которому произведена мировая оценка лесных запасов и выявлены все лесные экосистемы планеты. Но нам была нужна «своя карта», более детальная. И в конце концов мы её сделали.

— Что же на ней видно?

— Коричневый цвет — это лиственница, розовый — тёмнохвойные леса, жёлтый — сельскохозяйственные земли, ядовито-зелёный — лиственные леса, а сероватый — смешанные. Вот такую пёструю картинку мы получили. И выводы очень наглядные. Вокруг Москвы, как ни странно, сохранились острова сосновых и еловых лесов. Раньше они покрывали всю великую Русскую равнину, которая простирается до Урала. Рубили вокруг Москвы много, но и сажа-

ли немало. Леса были под присмотром благодаря жёстким законам. А вот чуть подальше, где глаз лесника был послабее, лес вырубили вчистую, и тут розового цвета на карте не увидишь. К сожалению, уменьшается площадь водоохранных лесов, и уже пора бить в набат снабжение питьевой водой столицы скоро может быть усложнено. Смотрим на север, там — Карелия. За последние годы хвойные леса в этом крае сильно поредели. Вести здесь хозяйственную деятельность необычайно трудно. Дремучие леса сохранились лишь небольшими островками, главным образом вдоль границы с Финляндией, где вырубать их не разрешено. К счастью, народ начал защищать свой лес, и, как мне рассказывали, хищническое уничтожение его уже не столь масштабно, как было в недалёком прошлом. Но всё же вырубка уникальных лесов Карелии продолжается, так же как и уничтожение уникальных тёмнохвойных лесов в Коми, одного из последних островов дремучего леса, сохранившегося на севере европейской части страны. Это леса особого значения, богатство наше. Сейчас они будут интенсивно вырубаться.

— А белые пятна на вашей карте — это что?

— Это то, что осталось после пожаров, — гари.

— Их очень много!

— Особенно по северу, где часто идут сухие грозы. Причём грозовые фронты выстраиваются, как правило, по одной линии — можно линейку ставить от Урала почти до Чукотки. Мы впервые увидели эту линию на снимках со спутников. Хорошо видны следы пожаров и на Ал-

тае. От огня, пришедшего из Казахстана, в конце 1990-х годов особенно пострадали ленточные боры равнинного Алтая. Интенсивной вырубке подверглись кедровые леса. Крупные массивы кедровых лесов сохранились преимущественно в Алтайском заповеднике и орехово-промысловых зонах Горного Алтая, защищённых от рубок в начале 1960-х годов по настоянию учёных.

— Продолжим «полёт» уже над Сибирью?

— Хорошо. Вот мой родной Красноярск. Видно, что часть лесов рядом с ним съел шелкопряд. Было это ещё в 60-х годах XX века. Теперь там березняки. Тёмнохвойного леса осталось совсем немного. Севернее товарных лесов тоже практически нет. Плотные сосновые и пихтово-кедровые массивы почти полностью уничтожены.

– Люди как шелкопряд поработали?

— Точно! Я ещё помню могучие леса вблизи Красноярска. Потом провели дорогу, ну а затем вырубки начались. Позднее я работал в этих местах несколько лет — исследовал последствия лесных пожаров.

— А что делается вокруг Байкала?

— Пока ещё там действует порядок, определённый решениями Правительственной комиссии по Байкалу.

— Будучи редактором «Правды» по науке, я с этой комиссией бывал на Байкале...

— Польза от неё была огромная. Однако энергетики — я имею в виду Братскую и Усть-Илимскую ГЭС — лес вокруг порядком извели. Надо внимательно следить за ситуацией в Байкальском регионе, потому что лесная промышленность там очень активно развивается.

Леонид Леонов. «Русский лес»: «Понятно, при излишке добра оно неизбежно сыплется сквозь пальцы, но в ту пору оно уже текло сквозь них быстрее песка. И вдруг мельники в голос отметили однажды снижение меженных вод, а старожилы записали в своих тетрадках, что где раньше бродил медведь, там скачет суслик... Так помрачнение и расстройство наступают в природе. Гаснут роднички, торфянеют озерки, заводи затягиваются стрелолистом и кугой.

Экспедиция Сибирского отделения Академии наук СССР по развитию севера Красноярского края. На фото в первом ряду слева направо: академик А. А. Трофимчук, академик Г. И. Марчук, член-корреспондент АН СССР А. С. Исаев. Норильск, 1977 год.

Худо земле без травяного войлока... Леса с земли уходят прочно. Вот уже ничто не препятствует смыву почв поверхностным стоком воды. Множатся балки и овраги, работающие, как гигантские водоотводные каналы, землесосы чернозёма... Так входит в наш советский дом чудовище, на избавление от которого потребуется усилий неизмеримо больше, чем потрачено нами на изгнание леса».

Я вижу много белых пятен и в Якутии.

— Это регион непрерывных пожаров. Тут и старые пожары, и новые.

— Печальная картина получается: горим, горим везде?!

— Так и есть. С помощью американского спутника мы создали систему обнаружения пожаров и теперь располагаем полной информацией о них.

— А где же наши спутники?

— Они есть, но мы сильно отстали и от Европы и от Америки. На создание приборов никто денег не даёт. Сейчас получаем информацию напрямую из штата Мериленд, где идёт обработка космических снимков. Как и с французами, наша совместная работа не требует ни согласований, ни разрешений начальства. Американцы производят первичную обработку данных и ежедневно передают информацию нам.

— В правительстве понимают, что вы делаете и какую пользу приносите России?!

— Конечно. Там прекрасно знают, что мы создали эффективную систему контроля пожаров на огромной территории. Нас даже отметили премией Правительства России. Очаги пожаров определяются с большой точностью, сразу же оценивается их опасность, и подробная информация направляется в регионы, где уже принимаются меры по ликвидации возгораний.

— И насколько они эффективны?

 Честно говоря, тушить крупные лесные пожары практически невозможно да и дорого. Так что главный пожарный в нашей стране — его величество дождь. Правда, небольшие пожары на площади 20, 30, максимум 50 гектаров ещё удаётся тушить на ранней стадии. В Красноярске, в Институте леса, мы придумали так называемые шланговые заряды. Это было революционное дело. Выбрасывали десантников, они расставляли вдоль линии огня плёночные шланги со взрывчаткой, потом подрывали их. Пускали, как у нас говорят, встречный пал. Эта система действовала. Кстати, однажды в Америке журналисты «напали» на меня с упрёками, что мы у них перенимаем всё новое, а сами ничего придумать не можем. Я им ответил, что на Аляске при тушении пожаров используются наши шланговые заряды, десантники прыгают в район бедствия на наших парашютах «летающее крыло», лучше которых в мире нет, и, наконец, американские профессора сейчас работают в Институте леса в Красноярске — учатся бороться с шелкопрядом, который поедает американские леса. И сразу же отношение ко мне изменилось!

— «Зелёные пожары», столь губительные для лесов, тоже хорошо видны из космоса?

— Конечно. Вредитель в тайге может действовать на очень большой территории. Между вспышками численность его стабильная: особей рождается столько же, сколько погибает. В тайге его в это время днём с огнём не найдешь, максимум две-три гусеницы. А когда случается вспышка, на одно дерево приходится сорок тысяч гусениц размером с палец! Два дня — и

А.С. Исаев с делегацией американских лесоводов в лесном массиве, повреждённом сибирским шелкопрядом. Красноярский край, 1998 год.

дерево голое! И это на территории в сотни тысяч и даже миллионы гектаров. В 1996 году огромный ареал лесов был повреждён шелкопрядом. Я занимался тогда этой проблемой. Мы приняли удар, разработали очень интересный проект борьбы с шелкопрядом. Мировой банк дал десять миллионов долларов, были закуплены препараты в Америке и так далее. У нас, казалось, всё было и в то же время не было ничего!

— Как это понимать?

 Мы опоздали. Вредитель — это как пожар: поначалу он не заметен, а потом вдруг стремительно распространяется и съедает всё. Вспышка 1996 года охватила район площадью 300×300 километров, повреждения были на 700 тысячах гектаров. Шелкопряд уничтожил хвойные деревья — они остались голые. А вслед за ним на повреждённых участках начинает размножаться большой чёрный усач. Я им занимался в своё время — целую книгу написал. Усач живёт на отмирающих деревьях. Стоит только дереву ослабнуть, он проникает в него и откладывает яйца. Подгрызает веточку, запускает туда гриб — вот как придумал! — и веточка засыхает. А потом усач «заселяет» всё дерево. Так что сначала шелкопряд налетает на лес, а потом усач его догрызает...

— Страшноватая картина!

— Если ничего не делать, то безусловно. Наша задача заключается в том, чтобы следить за лесом. Для этого выбираются характерные участки, и на них ежегодно ведётся учёт вредителей. Если случаются два засушливых лета подряд, то следует ждать роста численности гусениц. И тогда надо быть начеку. Сначала в единоборство с ними вступают природные регуляторы — естественные враги, например птицы, которые поедают гусениц. А если это не помогает, требуется вмешательство человека. Опыт 1996 года многое подсказал. Сейчас мы уже не опаздываем, поскольку научились и контролировать рост численности вредителей,

контроль из космоса, с егов и на земле. За поегодымы предупредили в районе Красногодсказали, где именно тся опасное место, и уничтожены. Тысячи и уничтожены. Тысячи оз ценнейших лесов уда-

— итак, пожары, насекова третье — что?

— Загрязнев редных веществ фиксируются из нам известно, кто, где загрязняет окружающую

— что, действительно, всё

— «жна ладони! Из космоса рассмотреть не только дерево, но и номер

на котором его вывозят из леса. Были потребность у соответствующих меть такую информацию.

- Если будет поставлена задача прежищение наших лесов, то её можно

— То коайней мере информацию о том, где можно получить по всей территории а вот ловить преступников уже не вхо-

— Вы сторонник Киотского протокола?

прежде всего потому, что он даёт возуправлять лесами на долгосрочной В Протоколе лесам уделяется большое а поскольку Россия страна лесная, ав его, мы можем иметь большие выгокасается и сохранения наших лесов, и онального использования. Всё зависит ак мы будем выступать на международвене. Если начнём решительно отстаивать тересы, то для России польза будет.

- Вы уверены, что этому ничто не по-

— корожалению, нет, потому что речь идёт о деньгах, а в этом случае что-либо протерровать в нашей стране невозможно.

так что если Уралу-батюшке сегодня всенародная благодарность за его боевые социалистические машины, так что и лесу русскому приписать и лесу русскому приписать и лесу русскому приписать су Синопа и Чесмы».

Ваша любовь к лесу родилась в дет-

В Мичуринске и в Саратове. Ещё мичуринске и в Саратове. Ещё ой знал, что моя профессия должна с лесом. Любил лесные карты, описывал деревья, описывал деревья, и это мне очень нрамиеся по пути, и это мне очень нрамиеся закончил школу, уехал учиться радскую лесотехническую академию. По моя стихия, так как я сумасшедший рыбак.

Краткий привал во время экспедиции по изучению лесных пожаров под Красноярском. На фото: А. С. Исаев (слева) и доктор биологических наук Ф. И. Плешиков. 2000 год.

— А эта страсть перешла от родителей?

— Отец был специалистом по селекции плодовых культур, большим любителем природы. Работал в Мичуринске, потом в Саратове. Выращивал яблони. Он привил мне любовь к биологии, и она не покидает меня до сих пор. После второго курса я попал на практику в Карелию. Следующий маршрут — Приморье, потом — Тайшет. Кстати, как раз там происходили события фильма «Холодное лето 53-го...» Именно в 1953 году я работал в тайге в этих местах.

— Много пришлось пройти за эти годы?

 Работая в лесоустройстве, пешком по таёжным дебрям я прошагал, думаю, путь от Москвы до Владивостока. Понимать лес не только разумом, но и душой научился именно потому, что любил ходить по нему. В лесу видел всё! Моя наука и начиналась с наблюдений, с понимания того, что процесс рождения, развития и гибели леса един, закономерен и состоит из ряда этапов, которые можно проследить. Впрочем, поначалу наукой как таковой я не занимался. Из Ленинграда меня распределили в Москву, в Объединённую авиалесоустроительную экспедицию. Шесть лет прошло, и я понял, что надо двигаться вперёд, как-то определяться — 30 лет уже, а я всё на чемоданах... Так получилось, что Институт леса перевели из Москвы в Красноярск. Тогда создавалось Сибирское отделение Академии наук. И я с семьёй уехал в Красноярск. Атмосфера на новом месте была прекрасная: много молодёжи и полная свобода действий — занимайся, чем хочешь. Я буквально ликовал: интересная работа, огромные возможности. Быстро защитил кандидатскую диссертацию. О деньгах не думал. Сначала получал 105 рублей — хватало, потом — 120, после защиты диссертации — 170. Квартиру получили, дети в садик пошли, одеты и обуты, и, самое главное, была уверенность в будущем. Каких-то больших задач я себе не ставил, не собирался что-то возглавлять, становиться академиком и так далее. Интересовала работа, я почувствовал, что работать могу, и она доставляла мне удовольствие.

Ваша докторская диссертация посвящена насекомым?

— Я тогда только ими и занимался. Создал комплексную группу, и мы начали исследования. Попытался подойти к изучению проблемы комплексно, системно. Есть насекомые, которые поддерживают жизнь леса, а есть и те, которые, размножаясь в массе, его уничтожают. Казалось бы, одним надо помогать, а с другими бороться. Но в обоих случаях эффект может оказаться вредным для леса. Слишком тонкие механизмы регулируют лесные системы, и это надо обязательно учитывать тем, кто занимается лесным хозяйством.

А как приходит открытие: постепенно или мгновенно?

 Однозначного ответа нет, это происходит по-разному. Был у меня, например, такой случай. Я работал уже лет пять, собрал огромный материал и начал приводить данные в порядок. Поручил своему помощнику подсчитать коэффициент размножения и плотность поселения для одного вида насекомых — короедов. Результаты наблюдений помощник выстроил в определённом порядке, свёл в график в виде экспоненты и принёс рисунок мне. Сижу на работе один, жду заказанный разговор с Москвой и смотрю на эту кривую. Такое ощущение, будто она мне что-то важное пытается подсказать... Поговорил по телефону, поехал домой. Жена приготовила ужин. Я в это время просматривал свежую почту. Как раз пришёл очередной номер журнала «Наука и жизнь». Я раскрыл его и... обалдел: вижу свою кривую, только вместо коэффициента размножения насекомых там на графике — коэффициент размножения нейтронов в управляемой системе, а рядом в процессе взрыва. Я подумал: а может, для реактора, атомной бомбы и насекомых действуют одни и те же законы природы? В Институте физики Красноярского научного центра нашёл специалиста — профессора Р. Г. Хлебопроса, с которым мы разработали феноменологическую теорию динамики численности популяции лесных насекомых.

Работа в Красноярске складывалась удачно?

 Лабораторию в институте я получил через два года после защиты кандидатской. Возможностей для настоящей науки было много. Молодёжь росла быстро. В Сибирском отделении Академии собрались талантливые, энергичные и нестандартные люди, перед которыми наука просто не могла устоять! Я считаю, что создание Сибирского отделения произвело революцию во всей Академии наук. Ну и конечно же благодаря ему в полной мере начали открываться богатства Сибири, интенсивно осваивался Север. Каждый год отделение организовывало экспедиции, поддерживало молодых исследователей. Да и время было замечательное... Рождались новые направления, и я увлёкся космическими делами. Сразу понял, что космос даёт огромные возможности для изучения лесов. Секретарём Отделения наук о Земле в то время был академик А. П. Виноградов. Я отправился к нему и предложил «лесную космическую программу». Виноградов активно поддержал меня, и в конце концов в Сибири это дело оказалось под моим началом. Важную роль сыграл академик Г. И. Марчук. Он организовал поездку молодых учёных по оборонным предприятиям, связанным с космосом. Мы побывали в Москве, в Питере, в Красноярске, в других местах. Военные были в нас очень заинтересованы. Совместно с войсками стратегического назначения мы выполнили интересную работу, позволившую решить ряд оборонных задач.

Леонид Леонов. «Русский лес»: «Русский народ выдвинул ряд мужественных учёных, защищавших зелёное достояние, хотя всегда у нас легко было прослыть бездельником и обывателем, вступаясь за лес... Люди эти неустанно внушали нашему обществу, что изобилие северных лесов не избавляет нас от бережного обращения с ними, потому что именно они делают дождь Украины; они говорили, что если дерево на севере становится ценностью лишь в виде бревна, то на юге оно неизмеримо ценнее, оставаясь живым; они убедительно доказывали, что пора в России завести какой-нибудь порядок в лесопользовании... Из всех работающих на нас машин лес — одна из самых долговечных, но труднее всех поддающихся починке...»

— Знаю, что учёные не очень любят «ходить во власть», но вам всё-таки пришлось. Я имею в виду кресло министра.

 Назначение я получил из-за своего неспокойного характера. Работал директором Института, председателем Красноярского научного центра, стал депутатом Верховного Совета СССР, поэтому и оказался на виду. В Верховном Совете СССР был секретарём Комиссии по охране природы. Ещё работал заместителем председателя планово-бюджетной комиссии по лесному и лесохимическому комплексу. Масштабы работы, конечно, громадные, и решения приходилось принимать очень серьёзные. При М. С. Горбачёве началось реформирование государственной службы. Союзные министерства курировал Н. И. Рыжков. На уровне правительства решался вопрос о создании Гослеспрома. Я всё время выступал против, считал, что нельзя делать хозяевами леса тех, кто его рубит, потому что хорошо знал цели и задачи лесной промышленности — взять от леса как можно больше и как можно дешевле! В новом проекте всё было поставлено с ног на голову. Предлагалось ликвидировать Государственный комитет по лесному хозяйству и передать его функции Министерству лесной промышленности, то есть пустить «козла в огород». Я же доказывал, что нельзя ликвидировать орган государственного управления лесами, обеспечивающий проведение в жизнь лесной политики, включая лесохозяйственную деятельность и рациональное лесопользование. Что же касается лесной промышленности, то она должна заниматься своим делом и использовать лесные ресурсы в рамках лесного законодательства.

Леонид Леонов. «Русский лес»: «Лес приближает море, и сам как море, и корабли туч ночуют у его зелёных причалов... но стучит топоришко, и воздушные транспорты влаги плывут транзитом через нашу страну, не задерживаясь на разрушенных полустанках. С другой стороны, представьте себе грозное будущее избыточно влажной и не имеющей достаточного стока северной равнины, когда с неё уйдут леса и усилится затопление и, значит, — натиск вечной мерзлоты, так как под моховой тундровой шубой солнце не успевает прогреть землю. Должен, кстати, уведомить вас о существовании теории, когда северные леса являются заслоном нового ледникового периода».

 Помню вашу статью в «Правде». Там вы резко критиковали предлагаемую реформу лесного хозяйства.

 Ещё написал письмо Горбачёву, где изложил свою точку зрения. Я надеялся, что не отреагировать он не может, ведь в то время я уже был членом Академии наук. Помню, как состоялся последний бесполезный разговор в Совете Министров, и я дал себе слово больше не ездить в Москву — всё равно никто не слушает! Написал короткую записку Н. И. Рыжкову о моём видении проблемы и взял билет в Красноярск. На следующий день, в субботу, Рыжков вызвал меня к себе. Проговорили мы с Николаем Ивановичем два часа. Он расспрашивал о работе Института,

о «Русском лесе» Леонида Леонова и о встречах с ним, о наблюдениях из космоса, о перспективах нашей области науки. В конце беседы я сказал, что подготовленное постановление — это ошибка, что надо создавать Комитет по лесу, в котором будет формироваться совершенно иное отношение к лесу — как к явлению, если хотите, национальной особенности русского

характера.

 Этот разговор и определил вашу судьбу?

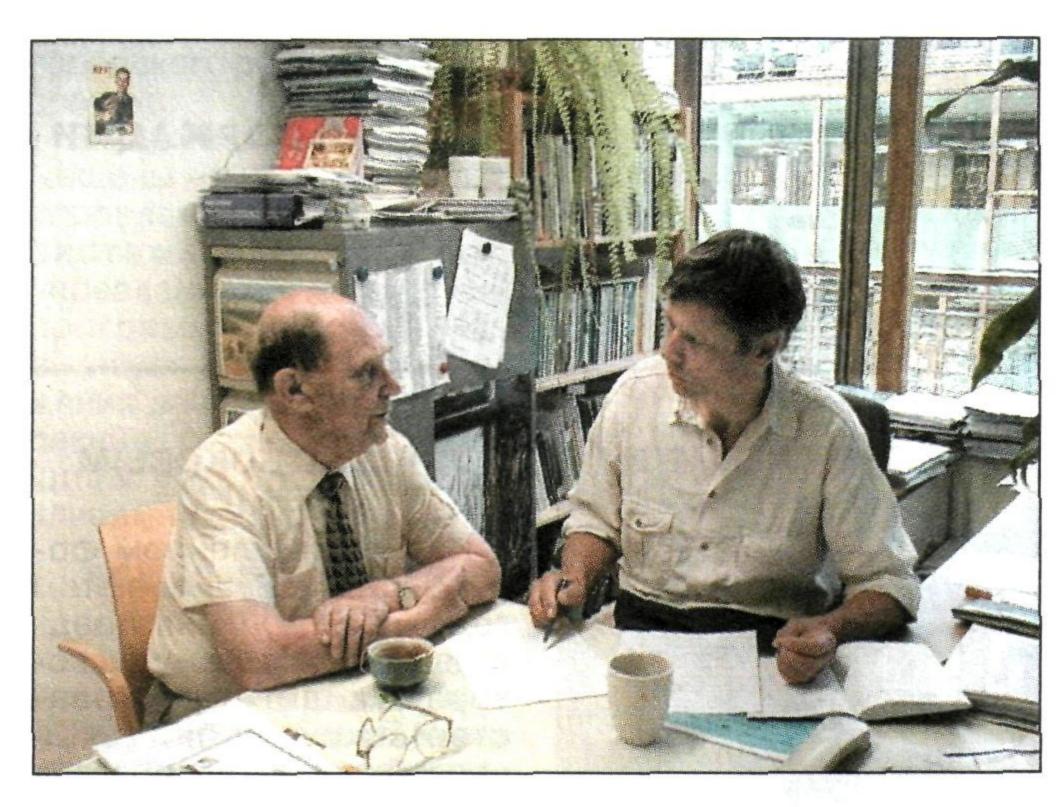
— Да. В тот же день состоялось совещание в Совете Министров СССР, где было объявлено, что Н. И. Рыжков принял моё предложение о создании Комитета по лесу и сразу же поручил в течение недели подготовить все необходимые документы, в основу которых положить мою записку. А вечером я улетел в Красноярск, не подозревая, что через месяц мне суждено переехать в Москву. Думал иначе: мавр сделал свое дело, мавр может спокойно удалиться в свою Сибирь.

 Логика руководства понятна: предложил, вот и осуществляй!

 Я полетел в командировку в Германию, и вдруг сообщение — меня назначают председателем Комитета по лесу. Вот, думаю, «повезло»! В Красноярске у меня всё налажено — работа, друзья, институт, ясное будущее, а тут абсолютно новое дело, к которому я, честно говоря, вовсе не готов. Решил отказаться. Прилетел в Москву, встретился с Рыжковым, объяснил, почему не могу согласиться. Он в ответ: предложение ваше принято, надо выполнять, а изменить решение он не может, так как его принял сам Горбачёв. Утром назначили с ним встречу. Прихожу к девяти утра, мне сообщают, что встреча перенесена на одиннадцать. Иду в гостиницу «Россия», благо она рядом, и тут же звонок: немедленно в Кремль, Михаил Сергеевич ждёт! Вхожу... Он сразу: «Готов?» Я в ответ: хочу остаться в Красноярске, там наука, большие дела. Он перебивает: сам написал, а теперь в кусты?! Достаёт папку и показывает мои материалы, мол, предлагаете, а кто делать будет?! Я вынужден был согласиться. Всё-таки Горбачёв умел убеждать людей, взывая к их гражданской совести.

— И вы приняли его условия?

 Сначала поставил свои. Во-первых, заместителей подбираю сам. Во-вторых, создаю

Обсуждение совместных исследований бореальных лесов с профессором Басом в университете г. Вагенинген. Голландия, 2005 год.

Исследовательский центр на правах института, где будет собираться вся информация о лесе. В-третьих, получаю прямой выход в мир в плане международного сотрудничества, без согласований с Минсельхозом, через который ранее осуществлялось взаимодействие с другими странами. Все мои условия М. С. Горбачёв принял, сказал, что теперь сам много ездит по миру, и если в стране, куда он собирается, есть хотя бы три дерева, то я должен представлять ему план по научно-техническому сотрудничеству. Кстати, его предложение было очень разумным. Буквально за год мы восстановили связи с очень многими странами, и его официальные визиты нам очень помогали. Всё, что он обещал, было выполнено. Говорю об этом, потому что сейчас горбачёвские времена стараются преподносить только в чёрном цвете.

— То было время, когда делали ставку на учёных. В правительство пришли академики — Лавёров, Абалкин, Шаталов, Исаев, много докторов наук. По-вашему, это было правильно?

 Мне трудно судить. Могу сказать только о себе. Руководил я недолго, но за это время удалось создать не просто Комитет по лесу, а Комитет по лесной науке и технике. И для нашей страны это, считаю, правильно. Лесу в XXI веке нужна наука. Мы разработали концепцию развития лесного хозяйства страны, прописали приоритеты, проблемы, задачи. Эта концепция и сейчас не утратила своего значения и используется для совершенствования управления лесами страны, но уже с учётом иных социально-экономических отношений и надвигающихся глобальных климатических изменений. Но лес остаётся лесом, и его значение как важнейшего компонента биосферы и возобновляемого природного ресурса невозможно переоценить.

Придёт время, и в нашей стране поймут, что лес — это не только древесина и иная лесная продукция. Лес — это наша гордость, наша духовность, наша жизнь, наше будущее. И я горжусь своей профессией лесовода и благодарю судьбу за причастность к изучению и со-

хранению лесов России.